

Краюшкина Лариса Георгиевна,

преподаватель высшей категории,

МБУДО «Феодосийская детская музыкальная школа №1»,

г. Феодосия, Республика Крым, Россия

«ПАРАДОКСЫ ШАЛЯПИНА».

К 145-летию Ф.И. Шаляпина

Статья посвящена 145-летию со дня рождения Федора Шаляпина и отражает наиболее интересные и значимые страницы его жизни и творчества, в частности, периоды его пребывания в Кимерии. Статья привлекает формой изложения, тонкой, деликатной и своеобразной стилистикой авторской трактовки, богатством фактов и малоизвестных нюансов биографии великого и неповторимого голоса России.

Ключевые слова: Шаляпин, великий певец, артист, реформатор оперной режиссуры, художник.

«... В русском искусстве Шаляпин – эпоха, как Пушкин».

Максим Горький

«Время – не мерило жизни», – заметил Ремарк. Но сколько бы мы не цитировали эту фразу, а поступаем всё время по-своему. Меряем жизнь датами – маленькими, большими и такими, от которых просто нельзя отвести глаз: до того они красивые. И что бы там не утверждал Ремарк, значительные даты пропускать нельзя. 145-летие со дня рождения гениального русского певца Фёдора Ивановича Шаляпина (1873-1938) 13 февраля 2018 года вокальными феериями отметил весь музыкальный мир. 15 апреля с торжественной печалью пропели «Вечную память» гению в день 50-летия окончания его земного пути. Но для Крыма в этом «шаляпинском» году есть своя дата – в сентябре исполняется 120 лет с момента первого появления на таврической земле великого сына России.

Как известно, любой исторический персонаж имеет столько биографий, сколько заслуживает, или даже чуть больше. Особым спросом пользуются колоритные самородки, очаровательные нахалы, не лезшие в карман за словом,

и любители прекрасного пола. Безусловно, Шаляпин относился к каждой из перечисленных категорий.

К счастью, жизнеописание этого до сих пор непонятого и недооцененного сверхгения вокального искусства не потеряет своей увлекательности, даже если мужественно отсечь от него все «вкусные» неправдоподобности. Великий певец – фигура чрезвычайно искусительная. Риск, если не увлечься всё теми же мифами, а элементарно пойти на поводу у эмоций, – что ни говори, велик. Но, не поддаваясь соблазну, скажем: Фёдор Иванович Шаляпин – не сияющий невыносимым светом внезапный и противоречивый человек-праздник, а беспощадный к себе и работавший до изнеможения в поисках совершенства Художник. Человек в историческом пейзаже. Да, человек стихийный, очень непростой, далеко не всегда приятный, но в его капризах и грубостях не так сложно разглядеть искренность, а в неудобном для окружающих характере – экстатическую любовь к искусству и служение ему. «В Шаляпине перемешалось путаное и значительное», – охарактеризовал его другой великий волгарь Максим Горький. Наш разговор – о значительном.

Поезд времени уносит нас всё дальше и дальше от прошлого. Вот за окном остался XX век, скрылся за хвостовым вагоном. Наверное, мы все виноваты перед ушедшим столетием. Мы слишком часто говорим о нём дурно. Пришла пора увидеть этот век не только через стекло, отражающее нашу жизнь, но и через жизнь людей, определивших лицо эпохи. Это было время великих контрастов, это было время масштаба, время личностей, время последних вспышек романтизма. И в этих прощальных романтических всполохах – лицо Шаляпина, чья триумфальная карьера длилась три с половиной десятилетия именно в веке двадцатом.

Порочная поговорка – «кумир не нашего времени» – могла возникнуть только в нынешние сумеречные годы. Не бывало никогда «поколения читателей Пушкина», «поколения слушателей Чайковского», «поколения поклонников Левитана». Не должно так случиться, чтобы стал историей Шаляпин, выпав в позавчерашний осадок. Фёдор Иванович Шаляпин – это не

только уникальный голос, величайший дар актёрского перевоплощения, более пятидесяти оперных партий, сотни романсов, шаманская магия в исполнении народных песен. Это вся палитра душевных качеств русского человека, где каждая черта и чёрточка звучат в высочайшем эмоциональном градусе.

Великих и выдающихся было немало. Легко догадаться, чего им не хватило, чтобы встать, если не вровень, то хотя бы рядом с Шаляпиным: гремучей смеси из «авось», куража, непоследовательности, доброты, жалостливости, хитрецы, наивности, непоседливости, веры, терпения, физической силы, стремления к справедливости, счастью и богатству. И это при явной нехватке дальновидности и здравого смысла. А главное – никакой работы над ошибками!

И здесь мы становимся на тонкий лёд темы, не затронуть которую нельзя, ибо в противном случае ни о какой полноте понимания личности великого артиста говорить нельзя. Тема эта – «Честолюбивый художник и деньги». О, эта вечная битва между практиками и мечтателями, дельцами и творцами! Непримиимые стороны разного восприятия жизни, её целей и смысла. А если художник становится предпринимателем и превращает укрощение музыки в прибыльный бизнес? Подобная фигура не может не привлекать спорщиков, завистников, недоброжелателей. Шаляпин был сказочно богат и дважды, потеряв состояние (сначала в России, затем в Америке), начинал всё с нуля. Гонорары заоблачные, о которых ещё дореволюционные газеты сообщали: «Десять сольных концертов Шаляпина по стоимости равны годовому жалованью премьер-министра Российской Империи».

Шаляпина не причисляют к знаменитым благотворителям. Наверное, потому что свои благодеяния он не только не рекламировал, а часто скрывал. Так было и в России, и позже во Франции. Юрист Михаил Волькенштейн, который три десятилетия вёл финансовые дела певца, вспоминал: «Если бы только знали все, сколько через мои руки прошло денег Шаляпина для помощи тем, кто нуждался: десятки и десятки тысяч!» Но пошлые байки о шаляпинской жадности живучи и популярны.

Из нашего сегодня видно: Фёдор Шаляпин – один из величайших мифов культуры, когда понятие «миф» звучит в самом высоком понимании этого слова. В посмертной своей славе певец преодолел все кампании по его дискредитации, восстановил нарушенную сакральность и явился к нам как герой. Потому что его миф держат два устойчивых столпа: Свобода и Творчество.

В силу обстоятельств Фёдор Иванович попал в Париж и понял, что жить можно красивее, ярче, ещё богаче и – мельче. Но жгучая ностальгия, приковав его душу к России, дала очищение и осознание того, что жить нужно проще, чище и целостнее. Вот потому мы вспоминаем Шаляпина не с саднящей досадой, а с радостью. Шаляпинский миф нами ещё не освоен до конца, но до главного в нём мы, даст Бог, дорастём и поймём, что помимо мира, где мотивация приносит бонусы, а вызовы рождают креативные решения, есть другой мир. Мир, где любовь к прекрасному карается ответственностью за прекрасное, красота требует тяжких жертв, и жертвы эти, при кажущемся внешнем благополучии, не вознаграждаются.

Повелитель оперного Олимпа

Сын бедного крестьянина Вятской губернии, Фёдор Шаляпин явился в мир человеком сверкающего таланта. Известно, что тот, кто одарён, похож на театр: в нём всё время происходит что-то интересное, и это поражает, а чаще раздражает окружающих. В Шаляпине ничему нельзя удивляться. А мы и не удивляемся спустя три четверти века после его ухода. Понимаем: жил, будто у него всегда была температура за 40°. Какие там Цельсий и Фаренгейт – он сам был мерой житейской магмы: и дел, и идей, и чувств! За что в детстве был нещадно и систематически бит отцом Иваном Яковлевичем, позже изгоняем из всех странствующих оперных и опереточных антреприз, из внешне благочинных церковных хоров, в коих всегда становился возмутителем спокойствия. Но пройдут годы, и один его недовольный взгляд будет повергать в панику дирижёров с мировыми именами.

На первой своей фотографии восемнадцатилетний гений позирует в чужом пиджаке. С последних снимков на нас устало смотрит обожаемый всем светом Теодор Шаляпин. А что в промежутке? Между казанским певчим и всемирно известным оперным голосом?

Там будет много всего. И непонятно, почему до сих пор не снят блокбастер по мотивам биографии Фёдора Ивановича. Этот фильм, следуя моде, полагалось бы назвать «Шаляпинъ». Или «Певецъ», коль скоро нынешние режиссёры так любят твёрдый знак.

Там бы нам рассказали о кроткой Евдокии Михайловне Прозоровой, надорвавшейся к сорока пяти годам от непосильной работы, пьянства и побоев мужа, от необходимости «ходить по миру». Именно девичью фамилию матери Фёдор Иванович дважды хотел взять как псевдоним. Увидели бы мы и Ивана Яковлевича Шелепина (не удивляйтесь, именно такое написание фамилии встречается в церковных книгах Казани, где записывали при крещении трёх родившихся до Фёдора и умерших в младенчестве детей этой крестьянской четы). Только при крещении Фёдора появляется нынешнее написание – Шаляпин.

Иван Яковлевич – человек, несомненно, одарённый, музыкальный, голосистый (вот оно – отцовское наследство!), – и впрямь был официально записан крестьянином. Но вот как рассказывал об этом сам отец нашего героя вездесущим репортёрам: «И всё-то Федька врёт. Никогда я крестьянством не занимался и земли не пахал. Грамотный я. Волостным писарем был при вятской слободке. А потом в казанской городской управе служил тоже писарем. А теперь Федька говорит, что и он, дескать, крестьянин. Ну, уж нет! Глянь-ка на этого крестьянина! Сызмальства только и делал, что убегал свои балаганы смотреть!»

Ярмарочные балаганные представления – любимое развлечение казанского мальчика Феде. С восьми лет, впервые попав в театр, он понимает: вот его жизнь. Но главное – опера, в которой действие нараспев ошеломило ученика сапожника. И учителю, и родителям он стал отвечать, выпевая каждое

слово. Сапожник, не выдержав вокальных рулад подмастерья, выгнал его. Отец, как водится, избил. В тринадцать лет Фёдор впервые вышел на сцену в массовке с измазанным жжёной пробкой лицом и в негритянском костюме. Он яростно кричал «Ура!», приветствуя Васко да Гаму. С тех пор оперу Мейербера «Африканка» считал отправной точкой своего творческого пути. «Театральный ожог» был получен на всю жизнь.

В этом фильме нашлось бы место и криминальной истории с экзотическим колоритом. «Странствуя по России, я оказался в Баку и там связался с бандой турецких налётчиков, которые подговорили меня убить и ограбить богатого купца. Потом они хотели убить уже меня, поскольку я, опомнившись, отказался участвовать в их деле».

Пятилетние скитания «по всей Руси великой» привели Шаляпина в Тифлис, где он, устав от неприкаянности, пошёл работать писарем. Благо с похвальным листом окончил двухклассное училище и обладал каллиграфическим почерком. Измученный постоянной мыслью о том, что его не берут в приличную труппу, потому что у него нет способностей, Фёдор решил вернуться в родную Казань и снова стать певчим в кафедральном соборе. В день отъезда он отправился на встречу, которую откладывал всё это время. Молодой человек знал, что в этом городе живёт бывший солист Мариинского императорского театра Дмитрий Андреевич Усатов. Петербургский тенор, прослушав Фёдора, не только запретил ему отъезд в Казань, а снял комнату для своего нового ученика, оплатив его проживание на год вперёд, безвозмездно занимался с гениальным найдёнышем, приплачивая ему что-то вроде стипендии, устраивал шаляпинские концерты, учил уму-разуму, подкармливал, как мог. Почувствовав, что Богом данный и поставленный голос уже никогда не испортит неграмотное пение, Дмитрий Андреевич с рекомендательным письмом отправил новоиспечённого баса (до Усатова Шаляпин был уверен, что у него баритон) в контору императорских театров.

Через десятилетие Фёдор Иванович, разыскав своего единственного учителя, будет щедрым до оторопи по отношению к нему. Влюблённый в Ялту, он уговорит Усатова переехать в Крым и поможет с приобретением дома.

В нашей музыкальной киноленте одной из ключевых сцен стала бы встреча Шаляпина с легендарным оперным олигархом Саввой Ивановичем Мамонтовым. Строитель железных дорог в России, он смело прокладывал новый путь и в русском искусстве, не жалея на свою творческую лабораторию – Русскую Частную оперу – ни сил, ни средств. Именно в мамонтовском «заповеднике талантов» Шаляпин познакомился с Рахманиновым, Врубелем, Серовым, Коровиным, Головиным, – людьми, определившими новое направление в его судьбе.

Ну а какой фильм без любви? В 1896 году, завершив сезон, солистка балетной труппы миланского театра Иола Торнаги подписала контракт в Лион. Но во время отпуска ей сообщили, что русский «миллионщик» Савва Мамонтов приглашает её в Нижний Новгород на летние гастроли. Для неё это было грандиозное предложение: ведь попасть в Россию – это всё равно, что попасть в сказку. А до отъезда во Францию ещё было время.

«Волга поразила меня своей красотой и просторами. У нас в Италии таких рек нет... Вслушиваясь в музыку незнакомой речи, я тогда не могла даже предположить, что русский язык станет для меня родным.

Сойдя с парома, я увидела человека. Он был худощав, огромного роста, у него были ярко-зелёные глаза, светлые волосы и очень приятная улыбка. Он что-то весело говорил мне красивым грудным голосом. Это был молодой бас Шаляпин, которого Мамонтов тоже пригласил на летний сезон. Фамилию его мне было трудно произносить, называть по имени казалось неприлично. И я стала называть его «Иль-бассо».

«Среди балерин была итальянка, которая мне страшно нравилась. Танцевала она изумительно, лучше всех балерин императорских театров. Недаром была дочерью известной на всю Европу танцовщицы. Мечта моя всегда была грустна. На репетициях я подходил к этой барышне и, не зная

языка, говорил ей все итальянские слова из музыкальной грамоты, которые знал: *allegro*, *andante*, *moderato*... Она улыбалась, и снова ее прекрасное лицо окутывала тень грусти». Иола Торнаги не поехала в Леон. Шаляпин, уже принятый по второй состав Мариинки, с помощью Мамонтова расплатился с неустойкой и остался в Частной опере.

Через год театр готовился к постановке «Евгения Онегина». Партию Гремина исполнял Шаляпин. На генеральной репетиции Мамонтов, сидевший рядом с незанятой в спектакле Иолой, шепнул ей: «Посмотрите на этого мальчика, Иолочка. Он сам ещё не знает, кто он! Он – гений!» Неожиданно во время исполнения арии Гремина все зааплодировали и стали улыбаться Иоле. Мамонтов прошептал по-итальянски: «Поздравляю вас, Иолочка! Феденька только что объяснился вам в любви». Оказывается, Феденька спел:

Онегин, я клянусь на шпаге,
Безумно я люблю Торнаги!
Тоскливо жизнь моя текла,
Она явилась и зажгла...

В 1898-м они обвенчались в маленькой церкви под Ярославлем и, несмотря на все трудности, связанные с характером Шаляпина, его стремительно росшей популярностью, прожили десять счастливых лет. Потом наступят года, когда Фёдор Иванович станет фактически двоеженцем и будет метаться от одной семьи к другой. Мудрая Иола Игнатьевна отпустит Шаляпина и простит. До конца его жизни они сохранят тёплые светлые отношения.

Фильм должен иметь и политические акценты. Если с поправкой на карнавальность характера нашего героя, то такой эпизод. Шаляпин как-то купил арбуз, выкрасил его в чёрный цвет, в основание плода вставил курящуюся бумажку. И положил эту радость на стол управляющего московскими театрами. Ох, что было, когда в кабинете императорского чиновника нашли дымящуюся «бомбу»!

А если в серьёзной тональности, то он даст десятки благотворительных концертов и в 1905-м, и в годы Первой мировой войны. Стихийная натура Шаляпина стремилась ко всему новому и необычному. В 1914-м он твёрдо решил вступить в партию социал-демократов и поинтересовался мнением Горького на этот счёт. Алексей Максимович строго и дружески сказал: «Ты для этого негоден. И я прошу: запомни раз и навсегда, ни в какие партии не вступай, а будь артистом, как ты есть. Этого с тебя вполне довольно».

Показательна ненависть певца к газетчикам: «Вот построю в Крыму виллу и выпишу себе пушки времён Суворова. Они надёжнее. Что значит, зачем? Затем, чтобы ко мне не лезли эти разные твари корреспонденты и репортёры! Сколько же они наврали про меня. Потом люди и не поймут, каким был Шаляпин». Коллаж рецензий от знаменитых современников. Вот, например, Лев Толстой: «Этот Шаляпин слишком громкий. Я даже ею побаиваюсь. Но – талант!» Вот Иван Бунин: «Любил Фёдор богатырствовать. В тридцатиградусный мороз в распахнутой шубе стоит с нами ночью у Большого театра, балагурит и вдруг как запоёт – на всю Москву».

Вот Константин Коровин: «Не знал более великолепно сотворённого человека, чем Шаляпин. И каждый раз, рисуя его, думал: «Эх, природа-дура! Построить такую красоту, чтобы потом спихнуть в яму». Вот Семён Будённый: «Шаляпин говорил, и от его могучего баса, казалось, содрогался весь вагон».

А ещё мы должны увидеть главное в жизни певца – изнурительную работу. Бесконечный труд. Причём не только напряжение голосовых связок, но и теоретические выкладки. Кстати, вполне революционные. Когда Шаляпин пел Бориса Годунова, он сделал самое настоящее открытие: «Нынешняя школа пения учит, как надо дышать, как надо тянуть звук, как его расширять, и только. Согласен, это необходимо. Но мало научить человека петь. Надо учить поющего понимать смысл произносимых им слов.

Надо, чтобы певцы изучали текст и всё, что связано с ним».

Последние слова и есть один из главных секретов Шаляпина. Знать и понимать текст – вот чего он добивался всю свою жизнь. Сколько книг

перечитывал, готовясь к исполнению новой партии, в сколькие картины часами вглядывался, пытаясь найти свою мимику, свои жесты, свое ощущение указанной композитором эпохи. Готовясь к первому исполнению своей впоследствии коронной партии – царя Бориса Годунова, он несколько раз встречался с историком Ключевским. Василий Осипович часами рассказывал двадцатипятилетнему певцу о Рюриковичах, о Борисе, о Смутном времени. В воображении Шаляпина оживали герои ушедших веков и выстраивалась драматургия образа. Однажды со свойственной ему непосредственностью Фёдор Иванович воскликнул: «Василий Осипович! Вы всё так хорошо знаете и так удивительно рассказываете. Вот бы вам спеть Бориса. А что я...» Ключевский улыбнулся в ответ: «Бориса будете петь вы, и, я уверен, – замечательно. А я буду вашим благодарным слушателем». «Прививка Ключевского» работала всю жизнь. Без новых знаний по истории певец не выходил на сцену.

Станиславский утверждал, что создавал свою систему, совершившую переворот в театральном мире, опираясь на актёрские достижения Фёдора Ивановича. Своим ученикам великий режиссер говорил: «Хотите понять, что такое «метод переживания», – идите на Шаляпина, слушайте и смотрите, учитесь у него».

Композитор Сергей Рахманинов, который безмерно ценил и уважал нашего героя, сказал об ушедшем своем друге семь с половиной десятилетий назад: «Шаляпин никогда не умрёт. Умереть он не может. Ибо он, этот чудо-артист с истинно сказочным дарованием, забываем... Для будущих поколений он будет легендой». Он и остался легендой. Или сказкой. Сын бедного крестьянина.

Мечту мою я оставил...

Гениальность даётся человеку за так, авансом – и называется Дар. А верность Дару – кстати, главное качество Шаляпина – это личный выбор. Служение Дару, ежедневное и ежечасное, было смыслом жизни певца. Он имел всё: красоту и здоровье, удачу и богатство, ум и талант. Прав Немирович-

Данченко, заметивший, что «когда Бог создавал Шаляпина, то был в особенно хорошем настроении, творя его на радость всем». Но главное в том, что Создатель не забыл вложить в душу своего любимца вечную неудовлетворённость собой.

Почти всё, о чём грезил волжский богатырь Фёдор, случилось, состоялось, исполнилось. Но самую красивую и самую заветную мечту Железный век безжалостно разбил, оставив в шаляпинском сердце незаживающую рану.

Изъездив с концертами всю Россию и любя её, Фёдор Иванович много раз повторял, что ближе всего его душе Волга, Москва и Крым. Спустя годы гражданин мира Теодор Шаляпин будет ненавидеть Америку, иронизировать над Англией и доброжелательно относиться к Парижу. Но это будет позже.

Великий певец шесть раз приезжал в Крым. И именно в Тавриде хотел поселиться, построив здесь Замок Искусств и создав свой театр, свою школу мастерства. Южный берег одарил его красотой и грандиозными овациями первого в жизни артистического триумфа. Фёдор Иванович будет не раз с успехом петь в Симферополе и в Севастополе, гостить у князя Льва Голицына в Новом Свете (кто не знает о знаменитом шаляпинском гроте и нынешнем международном конкурсе вокалистов имени Шаляпина!). Но именно Ялта, Гурзуф и Мисхор станут важными страницами в его жизни.

В сентябре 1898 года группа артистов Частной русской оперы, в составе которой были Фёдор Шаляпин и Сергей Рахманинов, выехала из Москвы на крымские гастроли. Это было их первое знакомство с удивительным полуостровом, оставившим у обоих неизгладимое впечатление.

Газета «Крымский курьер» 18 сентября 1898 года в рецензии на концерт, состоявшийся в городском театре Ялты, отмечала, что Шаляпин продемонстрировал чудное владение своим замечательным, мягким и необыкновенно красивым голосом. «Это певец-художник в самом серьёзном значении этих слов... Какая великая будущность предстоит этому

замечательному таланту, если в такие молодые годы он уже представляет собой не сырой материал, а серьёзного мастера».

Фёдору Ивановичу было тогда всего двадцать пять. И эти газетные строки стали первым признанием его таланта. Аккомпанировал ему в сольном концерте другой гений – молодой Сергей Рахманинов. А среди слушателей был Антон Павлович Чехов. Через пять дней повторный концерт в ялтинском театре прошёл с ещё большим успехом. Публика устроила Шаляпину шумную овацию и преподнесла лавровый венок.

Спустя четыре года, в начале апреля Шаляпин приезжает в Ялту в гости к Максиму Горькому, в «Нижний Мисхор». Вместе с другом-волжанином отправились в гости к Чехову. Антон Павлович просил наведываться. На чеховской «Белой даче» Шаляпин встречался с Буниным, Скитальцем, Сулержицким, Немировичем-Данченко, Спендиаровым. На просьбу Чехова «что-нибудь спеть» всегда откликался, не раз давая роскошные «домашние» концерты. Аккомпанировали Мария Павловна Чехова и Александр Афанасьевич Спендиаров.

В апреле 1909 года после успешных гастролей в Киеве Фёдор Иванович приезжает в Гурзуф к находящейся там семье. Три счастливых и беззаботных недели проводит с Иолой Игнатьевной и детьми.

В июле 1913 года в письме к старшей дочери Ирине из Франции Фёдор Иванович признаётся: «Боже мой, как мне надоело разъезжать и петь. С каким нетерпением я жду августа, когда закончу все мои обязательства по театрам и смогу приехать к вам!!!» Из Москвы в Крым он приехал с клавиром оперы «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, решив подготовить партию Салтана к октябрьской премьере в Большом театре. Несмотря на многочисленные встречи и стихийные «домашние» концерты (певец, по его словам, «никогда не давал своему голосу отдохнуть»), творческая задача была выполнена.

Семья Шаляпина в этот год отдыхала на гурзуфской даче художника Константина Коровина. К слову, это последнее лето, которое провели вместе

Фёдор Иванович и Иола Игнатъевна, Ёлочка, как нежно, до конца своих дней называл свою первую жену певец. К тому времени у Шаляпина в Петербурге подрастала годовалая дочь Марина, рождённая очень уверенной в себе владелицей пивоваренных заводов немкой Марией Петцольд. Возможно, Марина осталась бы одной из незаконнорожденных наследниц кумира, если бы её тонко чувствующая ситуацию мать не умела вовремя говорить три самые необходимые Шаляпину вещи: «Ты – гений! Ты – гений!! Ты – гений!!!» По крайней мере, так считал хорошо знавший своего друга Рахманинов.

Но тогда Коровин вручил своему дорогому Феденьке телеграмму, в которой сообщалось о том, что в связи с колоссальным успехом выступлений Шаляпина в Лондоне русский певец удостоен звания солиста английского короля. Поведал хозяин гостю и о другой новости – печальной: о смерти друга и единственного учителя Дмитрия Андреевича Усатова. 11 сентября Шаляпин посетил могилу Усатова на Иоанно-Златоустовском кладбище (ныне Поликуровский холм). Об этом свидетельствует сохранившаяся любительская фотография. На ней мы видим задумавшегося Фёдора Ивановича. Возможно, он вспоминал тифлисские события двадцатилетней давности, где в необычной для него квартире с красивой мебелью и множеством картин стремительный человек с красивыми глазами прослушивал его. И на робкий вопрос: «Что же, можно мне учиться петь?» – ответил: «Должно. И немедленно».

Отдых в гурзуфском сентябре 1913-го закончился для певца несколько неожиданно и печально. Он решил покататься в шлюпке по штормовому морю. Набежавшая волна опрокинула морехода, и он очутился в море. Только волжская выучка пловца спасла его от гибели. Подоспевшие лодочники помогли продрогшему и выбившемуся из сил Фёдору Ивановичу. В Москву полетела телеграмма, сообщавшая о том, что в связи с сильной простудой Шаляпин в течение недели должен находиться под наблюдением врачей. Сам он, тормоша близких, шутил: «Ну не мог я утонуть. Я же ещё не спел Салтана». А ещё через две недели Шаляпин пел своего Бориса в Большом театре, потрясая слушателей силой своего вокального и драматического мастерства.

Шли годы. К Шаляпину пришли мировое признание и слава. Новая спутница жизни Мария Валентиновна хотела отдыхать в Ницце и Баден-Бадене. Шаляпин стремился в Крым. В мае 1916 года он напишет дочери Ирине о своих планах на лето, связанных с началом работы над автобиографией совместно с Горьким. 19 июня 1916 года Фёдор Иванович приезжает в Форос, где его уже ждёт литературный редактор. Алексею Максимовичу самому не терпится «причесать» удивительные страницы жизни человека, с которым его ещё до их знакомства так часто сводила судьба: и в Нижнем Новгороде, и в Астрахани, и в Тифлисе. Вот только зря придумали люди, будто Горького приняли в хор казанской оперы, а Шаляпину отказали. Горького, действительно, приняли: и голос хорош, и слух отменный. Вот только Шаляпина в этот момент в Казани не было – пел в Самаре.

В начале июля 1916-го певец сообщает Ирине: «Каждый день плаваю в море и очень много работаю с Алексеем Максимовичем. Работа идёт, кажется, недурно, и вы прочитаете, может быть, интересную книжку вашего отца».

В августе того же года Шаляпин переехал в Гурзуф и отдыхал с семьёй в имении Ольги Михайловны Соловьёвой Суук-Су на даче «Орлиное гнездо» (ныне территория «Артека»). Имя владелицы богатейшего имения связано с широко распространённой легендой о том, что она, тронутая пением артиста на пикнике у Медведь-горы, якобы подарила ему скалу, ныне известную как скала Шаляпина. На самом деле певец купил скалу у Соловьёвой, чтобы воплотить свою идею о постройке Замка искусств, где мечтал обучать «даровитую и серьёзную молодёжь». Почему замок? «Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего бы не быть замку у артистов? Я заказал четырём архитекторам проект замка. Сначала выбрал проект А. Щусева. Затем остановился на проекте И. Фомина. Купил гобелены для убранства стен. Другьям-художникам заказал картины...» Однако начатое строительство было остановлено в связи с революционными событиями.

В строительные планы Шаляпина входило и... изменение ландшафта. Он хотел купить знаменитые Адалары – два каменных островка, скалы-близнецы,

которые являются визитной карточкой Гурзуфа. И сколько бы ему это ни стоило, певец хотел их «немножко окультурить».

«Я взорву и сделаю площадки. Воду проведу. Разведу сады, привезу чернозём», – делился Шаляпин грандиозными планами с Коровиным. Но это ещё не все – ко всему прочему Фёдор Иванович мечтал «прорыть под проливом туннель на берег».

Не взметнулся над скалой Замок искусств, хотя построить его обещали богатые потомки Соловьёвой, наезжая из Франции в Крым в лихие 90-е годы прошлого века. Радует только одно: уцелели уникальные Адалары.

В 1927 году, готовясь к празднованию 10-летия советской власти, Сталин пригласил певца принять участие в торжествах. Но Шаляпин – в ту пору пять лет, как эмигрант, – в силу импульсивности натуры наговоривший много нелицеприятного в адрес советской России, при всём желании увидеть Родину боялся ехать в Москву и не скрывал этого. Хотя ему были обещаны и возвращение роскошного московского особняка, и помощь в строительстве Замка искусств в Гурзуфе.

Последнее посещение Крыма летом 1917 года: певец с семьёй живёт на даче Нижний Мисхор. Часто ездит к «своей» скале, мечтает о том времени, когда затихнут революционные ветры и можно будет приступить к воплощению главной своей мечты. Но в то же время откликается на просьбы и участвует в ялтинских благотворительных концертах. Самое памятное событие – грандиозный благотворительный концерт, сбор от которого пошёл на просветительские нужды Черноморского флота. Шаляпин отбирает на военных кораблях певцов для хора, проводит с ними серию репетиций. Этим монументальным действием на Приморском бульваре Севастополя, где певцу в исполнении «Дубинушки», «Марсельезы» и многих других произведений помогали полтысячи хористов, а слушали тысячи и тысячи матросов, закончилась крымская эпопея гения. У моряков-черноморцев он остался в памяти в матросской форме с красным знаменем в руках.

В конце жизни он напишет: «Мечта моя далеко в России. Мечту мою я оставил в Крыму разбитой. Иногда мне говорят: ещё найдётся какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр.

А я в шутку спрашиваю: «А где он возьмёт Пушкинскую скалу?» Моя мечта неразрывно связана с Россией, с русскими чуткими молодыми талантами. В каком-нибудь Охайо или на Рейне этот Замок искусств меня не прельщает. Я не создал своего театра, придут другие – создадут. Искусство может пережить огромный упадок, но оно вечно, как сама жизнь...»

«Я бы мог стать художником...»

Познание жизни Шаляпина – процесс увлекательный и радостный, потому что нет более высокого и чистого чувства, чем ощущение безграничной творческой одарённости этого человека. Как оперный певец, Фёдор Иванович не имел себе равных. Созданные им образы Сусанина и Грозного, Бориса Годунова и Мефистофеля, Дон-Кихота и Демона, Дон-Базилио и Сальери и многие-многие другие вошли в сокровищницу совершеннейших творений мирового искусства. «Беспредельный, феноменальный талант во всем, за что берётся», – говорил о нем Рахманинов.

Шаляпин играл на ролле, скрипке, виолончели, очень часто на репетициях брался за палочку дирижёра. В 1917 году, окрылённый идеей свободы, равенства и братства, сочинил революционный гимн и несколько песен, в которых выступил и как автор слов. Свои произведения он исполнил в Петербурге и Севастополе.

Не обделила певца природа и литературными способностями. Он писал лирические и юмористические стихи. Его перу принадлежат две книги воспоминаний. Хорошо знал английский, французский, итальянский и малороссийский (так он называл в анкетах и мемуарах украинский) языки, бегло читал по-немецки и по-испански. Выступал как поэт-переводчик. Им был переведён на русский язык текст партии Мефистофеля в опере Бойто с

итальянского. На французский и итальянский языки он переводил все свои роли в русских операх.

Шаляпин явился реформатором оперной режиссуры. Поставленные им оперы «Хованщина», «Борис Годунов», «Вражья сила», «Псковитянка», «Мефистофель» отличались исключительным авторским ансамблем, органичным единством музыки, драматургии и художественного оформления.

Помимо того, Шаляпин обладал оригинальным талантом художника. Он создал значительное число рисунков, успешно пробовал свои возможности как скульптор. Приведём несколько не слишком известных фактов. По мнению Валентина Серова, «Шаляпин обладает недюжинным дарованием рисовальщика и живописца». Константин Коровин вспоминал: «Я готов был возиться с Фёдором, как нянька с младенцем, лишь бы он осознал, какой дар преподнесла ему судьба». В 1930 году, смертельно устав от бесконечных гастролей и получив категорический запрет на поездку в СССР от жены Марии Валентиновны, Шаляпин решил оставить сцену и заняться живописью под фамилией Прозоров. Об этом он сообщил в письме в Москву дочери Ирине – единственной из восьми детей Шаляпина, не захотевшей покинуть Родину. Несколько месяцев Прозоров-Шаляпин с упоением работал (впоследствии супруга успешно распродала результаты этого творческого порыва Фёдора Ивановича). И всё-таки Мария Валентиновна убедила его вернуться на сцену, откуда певца за полгода до кончины вытеснила лейкемия.

Художники сыграли важную роль в творческой биографии великого артиста. Портреты Фёдора Ивановича, написанные Валентином Серовым, Константином Коровиным, Борисом Кустодиевым и Александром Головиным, вошли в золотой фонд русского искусства. Серов и Коровин были ближайшими друзьями гения. И если внимательно проследить манеру Шаляпина гримироваться (а гримировался он всегда сам), то с предельной ясностью можно увидеть, что чёткость рисунка взята им у Серова, а живописность – у Коровина.

Певец умел замечательно носить театральный костюм, драпировать плащ. У Шаляпина были живописны не только облачения царя Бориса в «Борисе Годунове» Мусоргского, но и лохмотья Мельника в «Русалке» Даргомыжского и армяк Сусанина в «Иване Сусанине» Глинки.

Сам он не раз признавался, что живопись в его жизни занимает первейшее место. Всех своих друзей-художников Фёдор Иванович глубоко чтил, любил и пронёс эти чувства через всю жизнь, в эмиграции щедро помогал многим.

Ещё со времён работы в Русской частной опере С.И. Мамонтова сложились у певца доверительные отношения с братьями Васнецовыми, Поленовым, Врубелем, Левитаном. Дорогим для артиста были приглашения Репина в его имение «Пенаты». Остаётся загадкой, почему у талантливейшего портретиста Репина, при всей его огромной симпатии к Фёдору Ивановичу, шаляпинский портрет не удался. Показав его на сорок третьей выставке передвижников, Илья Ефимович забрал портрет в мастерскую, в течение нескольких лет возвращался к нему, а затем с горечью признался Корнею Чуковскому, что уничтожил свой труд.

В «шаляпиниане» сам Фёдор Иванович больше всего любил работу Бориса Кустодиева. Кустодиевский портрет – биография артиста, прошедшего огромный путь от ярмарочных театриков до лучших оперных сцен мира. По Кустодиеву, Шаляпин в круговороте народного веселья – свой и счастлив в этой родной ему стихии.

В 1919 году Шаляпин, бывший в ту пору художественным руководителем Мариинского театра, обратился к Кустодиеву с просьбой о совместной работе над оперой А.Н. Серова «Вражья сила». Прикованный к креслу художник выполнил четыре эскиза декораций и эскизы всех костюмов и гримов. В свою очередь, влюблённый в шаляпинский талант Борис Михайлович заговорил о портрете. Шаляпин немедленно согласился.

Само выполнение этого портрета было великим подвигом. Кустодиев, уже давно лишённый возможности передвигаться, писал только сидя, причём

не в просторной мастерской, а у себя в квартире, в маленькой комнате. Он писал портрет частями, наклоня огромный холст над собой. Позже художник признавался, что сам не может понять, как сумел осилить такую махину.

Фёдор Иванович называл этот портрет «Драгоценным состоянием» и, уезжая в эмиграцию, забрал его. Ныне он – украшение музея-квартиры Шаляпина в Париже. После отъезда певца Кустодиев сделал уменьшенное повторение картины и не расставался с ним до конца жизни. Ныне этот шедевр хранится в коллекции Русского музея Санкт-Петербурга.

Шаляпинская тема в русском искусстве не исчерпывается лишь жанром портрета. Она была одной из самых популярных в карикатуре первой трети XX века. Шаляпин с его живым умом и чувством юмора ценил и понимал разящую и меткую карикатуру. А дружеское общение с лучшими мастерами русской сатирической графики Павлом Щербовым и Виктором Денисовым (Дени) научило артиста смело использовать приём гротеска в своей художественной работе.

Образ Шаляпина – одна из самых красочных страниц русского изобразительного искусства. Пожалуй, никакому другому артисту не было посвящено такого числа произведений живописи, графики, скульптуры. Только в каталоге, составленном искусствоведом Н.В. Власовым, упоминается около трёхсот картин, акварелей, гравюр, рисунков. И перечень этот далеко не полон.

К сожалению, разрозненные по частным коллекциям авторские работы певца ещё ждут своего изучения. Большой интерес из известного ныне представляют два десятка автопортретов, автошаржи. Фёдор Иванович умел видеть и понимать духовную красоту людей, встречи с которыми подарила ему судьба. Подтверждение этому – портреты Толстого, Римского-Корсакова, Горького, Бенуа, Коровина. Творческая неутомимость, присущая Шаляпину, проявилась и в жанровом разнообразии его рисунков: пейзажи, сцены из спектаклей, в которых он участвовал, жанровые зарисовки. Несмотря на то, что живопись, по свидетельству Коровина, влекла артиста (в 1910-1911 годах он много занимается пейзажной живописью), графика составила основное место в

наследии Шаляпина-художника. Участь у знаменитых своих друзей, усваивая их профессиональные навыки и приёмы, он формировался как не похожий ни на кого мастер. По манере исполнения лучшие его рисунки самостоятельны и оригинальны. Своей непосредственностью и артистической одухотворённостью они ассоциируются с рисунками Пушкина.

В 1912 году певец ошеломил своё художественное окружение заявлением, что рождён быть скульптором. По совету Ильи Гинцбурга он сделал скульптурный портрет. Фёдор Иванович через несколько дней пригласил Гинцбурга в свою мастерскую, и тот, по словам Сергея Конёнкова, был поражён достигнутыми результатами: бюст был очень похож и хорош по лепке. Мнение своё академик Гинцбург не изменил и в связи с другими работами певца: большое дарование. Что же касается дебютного произведения, то вскоре бюст был отлит в гипсе и навсегда остался лирической исповедью артиста.

Шаляпин-скульптор не ограничился только одним автопортретом. В газетах промелькнули сообщения о том, что он выполнил бюсты Константина Коровина и Максима Горького, обожаемых им певцов Энрико Карузо и Соломеи Крушельницкой и, конечно, свои скульптурные портреты в партиях царя Бориса и царя Олоферна.

Вспоминая эту потрясающе ярко прожитую жизнь, не устаёшь удивляться многогранности таланта артиста. Из биографии, подобной шаляпинской, можно составить сюжеты нескольких жизней. И всё-таки Фёдор Иванович недоволотился и как художник, и как скульптор. Может быть, даже хорошо, что не успел. Огромная требовательность Шаляпина к себе, породившая в нём излишнюю скромность, создала ещё один миф. Но стоит ли гадать, какова была бы высшая планка в его ипостаси художника? Скульптора? В искусстве засчитывается исключительно результат.

Фёдор Шаляпин и Сергей Рахманинов.

Трудно представить более непохожих по складу натуры людей. Ещё труднее осознать, как возникла и прошла через всю жизнь двух гениев дружба, соединившая столь полярные судьбы. Мог ли юный Серёжа Рахманинов – потомственный дворянин, дальний росток королевской династии Драгош, основавшей Молдавское государство и правившей в нём более двухсот лет в XIV-XVI веках, рафинированный интеллигент в высочайшем смысле этого понятия, мог ли он представить себе, что скоро в его жизнь прочно, глубоко и навсегда ворвётся и останется навсегда россиянин совсем иного рода племени, крестьянский сын Федька Шаляпин? И будут они вместе и в этом «лучшем из миров», и даже потустороннем мире. Потому что оба они составят всемирную славу России, её национальную гордость, её национальное духовное богатство. Могло ли ему привидеться в самом фантастическом сне, что через три десятка лет об этом образно, по-своему, по-деловому Америка устами известного политика скажет так: «Россия должна нам много миллиардов долларов, но она прислала к нам Рахманинова и Шаляпина. Тем самым Россия выплатила свои долги».

Каждый из двоих, Сергей и Фёдор (а они одногодки), шёл своим путём, проходил свои университеты. Судьба – дама очень серьёзная и решительная. Неумолимо вела она Рахманинова и Шаляпина параллельными курсами не только к пересечению в двадцатичетырёхлетнем возрасте вопреки законам геометрии, но и к тому, что вскоре они, эти параллели, сплелись и даже сплавились в прочнейший слиток неопалимого единства – душевного и творческого, прижизненного и вечного. Сегодня правнуки Фёдора Шаляпина и Сергея Рахманинова продолжают эту бесконечную дружбу своих предков только, к сожалению, не на родной земле. И сами они, завершив дни на чужбине (Рахманинов – в США, Шаляпин – во Франции) в 90-е годы XX века, обрели вечный покой в Москве на Новодевичьем кладбище. Интересно, что в истории возвращения праха Шаляпина на Родину большую роль сыграли два человека, бесконечно любившие певца и Крым: писатель Юлиан Семёнов и барон Эдуард Фальц-Фейн.

Знакомство двух гениев состоялось в Частной опере Саввы Мамонтова в 1897 году. Оба были молоды, талантливы, деятельны. Проходя оперные партии, а потом разучивая романсы для совместных выступлений в концертах, чуткий гениальный певец подхватывал малейшие указания или советы блестяще образованного Рахманинова, исполняя вещи так, как только он один мог это сделать. Рахманинов же, увлекаясь его исполнением, дополнял его, изумительно аккомпанируя. Дружба Рахманинова и Шаляпина росла, как пушкинский царевич Гвидон: не по дням, а по часам. Летом 1898 года на даче у певицы Татьяны Люботович под Ярославлем Рахманинов помогал Шаляпину готовить партию Бориса, раскрывая все нюансы шедевра Мусоргского и попутно давая ему уроки по теории музыки, гармонии и полифонии. Но не только музыкальным образованием и «Годуновым» занимался Шаляпин на даче Люботович. Дальше пусть расскажет сам Фёдор Иванович: «В то лето я обвенчался с балериной Иолой Торнаги в маленькой сельской церковке. После свадьбы мы устроили смешной, какой-то турецкий пир: сидели на полу, на коврах и озорничали, как маленькие ребята. Не было ничего, что считается обязательным на свадьбах: ни богато украшенного стола с разнообразными яствами, ни красноречивых тостов, но было много-много полевых цветов и шуток. И всей этой радостью дирижировал Рахманинов».

Рахманинов стал крестным отцом старшей дочери Шаляпина – Ирины. Именно он подарил своё любимое имя девочке. В прежние времена крестный отец избирался из самых близких семье людей, крестил и становился родственником отца и матери крещёного ребёнка – кумом. Сергей Васильевич этим подчеркнул своё родство с горячо любимым им Фёдором Ивановичем и до конца своих дней заботился об Ирине Фёдоровне Шаляпиной – актрисе театра имени Вахтангова, не променявшей Москву ни на какие столицы мира.

Ирина Шаляпина написала замечательные воспоминания об отце, в которых есть «кадры» чрезвычайно принципиального значения в отношениях двух великих музыкантов. Во-первых: «Отец говорил, что Рахманинов был единственным дирижёром, с которым ему не приходилось спорить. Он мог

быть совершенно спокоен, когда Рахманинов находился за пультом: у него всё было точно, осмысленно и вдохновенно». И второй «кадр», который Ирина Фёдоровна интерпретировала не совсем точно, обозначив его как «размолвку» между Шаляпиным и Рахманиновым. А дело было так.

Сергей Рахманинов написал специально для Шаляпина две одноактные оперы – «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини». Впервые они были исполнены 11 января 1906 года под управлением Рахманинова в Большом театре. Но Шаляпин – солист этого театра – в них не выступал. Уже в то время он сумел выработать в своём характере доминирующую черту, которую дружившая с певцом поэтесса Лидия Фивейская обозначила такими словами: «безукоризненная честность в отношении искусства». Со всей силой своей натуры, любя Рахманинова, Шаляпин, тем не менее, не мог лукавить или хотя бы смолчать. Он сказал композитору: «Слова Пушкина здесь сильнее того, что ты написал». И ещё на вечере у Римского-Корсакова 4 января 1906 года после домашнего исполнения «Скупого рыцаря» Фёдор Шаляпин (он пел партию Барона) открыто заявил, что в этой опере «нет столь органической, неразрывной связи между словом и вокальной мелодией, как у Даргомыжского и Мусоргского. Симфонически развитый оркестр прекрасен, но вокальная партия, лишённая оркестра, неубедительна».

Шаляпина поддержал Римский-Корсаков. Сергей Васильевич больше всего переживал резкий и прямой отзыв любимого друга Феди, но гениальность их обоих сочеталась с благоговейным отношением к искусству, которое всегда стояло у них выше личных ощущений и эмоций...

История с оперой «Алеко» и Шаляпиным в главной партии с лихвой вознаградила Рахманинова, хотя Фёдор Иванович, тогдашний ученик Сергея Васильевича, сначала удивил, но тут же восхитил композитора своей совершенно неожиданной музыкальной трактовкой партии Алеко. Певец участвовал в постановке «Алеко» в Петербурге 27 мая (6 июня) 1899 года в день столетнего юбилея А.С. Пушкина. Сергей Васильевич, затаив дыхание, воспринимал своеобразное прочтение Шаляпиным вокальной партии Алеко и

принял интерпретацию великого артиста с восхищением, записав вскоре после спектакля: «Шаяпин дал новую жизнь пушкинским «Цыганам», «Алеко» от первой до последней ноты блистателен. Солисты были великолепны, не считая Шаяпина, перед которым они бледнели. Этот был на три головы выше их. Я до сих пор слышу, как он рыдает в конце оперы. Так может рыдать только гениальный артист на сцене или человек, у которого такое же большое горе в обыкновенной жизни, как у Алеко».

Рахманинов посвятил Шаяпину пять романсов: «В душе у каждого из нас», «Воскрешение Лазаря», «Ты знал его», «Оброчник» и самый примечательный – «Судьба» на стихи Апухтина. Большой друг Рахманинова Людмила Ростовцева так рассказывала о самых лучших, домашних, концертах двух великих музыкантов, которые могли длиться часами: «Помню высокую стройную фигуру Шаяпина у рояля. Он поёт, и я вижу, как у Серёжи делается особенное выражение лица. Видно, что исполнение Фёдора Ивановича доставляет ему наслаждение, а рахманиновский аккомпанемент вдохновляет Шаяпина... Что бы они ни исполняли, под конец Шаяпин поёт «Судьбу». Его фразировка этого романса потрясающая. От сильного переживания все присутствующие, выслушав последний аккорд, находятся как бы в оцепенении. Счастливы те, кому удалось слушать этих гениев».

Остаётся по-хорошему позавидовать тем ялтинцам, которые побывали на таких домашних концертах, ведь Шаяпин и Рахманинов совпали в своих первом и последнем приездах в полуденный край. И если сентябрь 1898 года, счастливый и беззаботный, пролетел как одно мгновение, то летние месяцы 1917-го были наполнены тревожным ожиданием. Монархист Рахманинов обдумывал уже принятое после Февральской революции решение покинуть Россию.

Шаяпин страстно пытался понять революционные преобразования и надеялся найти своё место в тектонических разломах жизни. И, словно предчувствуя расставание навсегда с былым и дорогим, давали концерты для друзей в доме композитора Александра Спендиарова. Фёдор Иванович станет

единственным человеком, провожавшим друга-композитора в декабре 1917-го. На перроне петроградского вокзала он отдаст где-то добытый дефицит – белый хлеб и банку чёрной икры. Скажет напутственные слова, ещё не подозревая, что через пять лет, в 1922-м, повторит этот роковой шаг, обрекая себя на жизнь изгнанника. Пусть утопающего в роскоши и уставшего от известности, но – изгнанника. Там, за границей, оба они, Рахманинов и Шаляпин, осознают, что эмиграция – это много потерять и мало получить взамен. И что Родина – это глубинное и драгоценное понимание того, о чём люди говорят и о чём молчат. Всемирный «концертный чёс», многолетняя гастрольная гонка заставят их забыть о божественном ветре вдохновения. В первые десять лет эмиграции Рахманинов не может сочинять вообще. За оставшиеся пятнадцать лет создаст пять произведений. Эмигрантское пятнадцатилетие Шаляпина будет отмечено лишь единственной новой работой – партией хана Кончака в опере Бородина «Князь Игорь». Два гения будут встречаться в Америке, Англии, Швейцарии, но чаще всего в Париже. Будут пытаться воссоздать атмосферу российских встреч: московских, питерских, крымских. Ныне исследователи шаляпинской жизни едины во мнении: доживи Фёдор Иванович до времён Второй мировой войны, он обязательно бы помогал Родине, Красной Армии в её борьбе с фашизмом, как это делал Рахманинов, но...

В конце 1937 года смертельно больной Шаляпин в последний раз вышел на оперную сцену в партии Алеко, чтобы проститься с публикой, с Рахманиновым, со своей мечтой увидеть Россию.

Бессмертный бас: легенды и были

Притяжение земли и неба в человеке неравнозначно. Что-то всегда побеждает. Шаляпин – и это видно невооружённым глазом, – земной человек. Но вот главный парадокс шаляпинской натуры: неистовой преданностью искусству сберёг он душу свою, открытую веяниям горнего мира. Смог, уходя, не просто оставить в память о себе свет, а всполохи протуберанцев. Романтизм во взглядах на природу человека был осмеян не единожды. Но неизменно

посрамлял пошляков в самых безнадёжных ситуациях. Жизнь великого артиста вновь подтверждает истину: государства упираются в границы, религии полны запретов и предписаний, нации – в силках менталитетов. И безграничен лишь творящий человек, простирающийся в бесконечность. Он ломает стереотипы и коды, опережает время и степень развития своего народа. Он его сын, но волею небес, творец внутри себя неисчерпаем.

Казалось бы, для обретения душевного равновесия нашим современникам, экзистенциально утомлённым социальными бурями и природными катаклизмами, самое время погрузиться в сложную и увлекательную стихию любви к культуре. Увы, сегодняшней стиль познания таков: во всём радостно видеть негатив, низводя излагаемое до некачественного стёба. Шаляпин в этом плане – самая подходящая мишень. Попробуем навести порядок в вековом завале сплетен, анекдотов, небылиц о шаляпинском феномене и увидим лучше.

Фёдор Иванович был начисто лишён творческой зависти – редчайшее качество в мире искусства. Чувствуя в себе силы богатырские, терпеливо и настойчиво шёл к своим вершинам. А достигнув их, от души радовался успехам других. Равных себе в степени сказочной вокальной одарённости – а их было только двое, – боготворил.

Когда ещё никому не известный Фёдор Шаляпин услышал в 1897 году в Италии любимца всей Европы тенора Энрико Карузо, он, затаив от восхищения дыхание, в самых отдалённых мечтах представил себя на сцене рядом со знаменитым неаполитанцем. Через семь лет они впервые пели вместе. Потом Карузо не раз приезжал на гастроли в Россию, Шаляпин – в Италию. У них сложились замечательные дружеские отношения. Фёдор Иванович подарил Карузо его портрет и бюст. А ещё они любили обмениваться шаржами друг на друга. Ровесник Шаляпина – Карузо ушёл из жизни в 1921 году. В своих гастрольных странствиях Шаляпин, оказавшись в Неаполе, всегда заходил на могилу великого Энрико.

Другой персоной в этом королевском вокальном триумвирате была Соломея Крушельницкая. Легендарная мадам Баттерфляй, муза композитора Пуччини, Соломея Амвросиевна ныне во всём мире именуется не иначе, как «золотой голос Украины». Но мало кто знает, что она принадлежала к небольшому самобытному народу – русинам. И уезжая в 1893 году после учёбы во Львовской консерватории на долгие десятилетия в Италию, двадцатилетняя Соломея как клятву произнесла: «Пусть мир услышит, как звучит душа русинов». Это стало одним из её жизненных девизов. Одногодки – Шаляпин и Крушельницкая – встретились уже прославленными артистами. Творчество их притянуло, как магнитом, друг к другу. Но при удивительно красивой сценарной заявке полновесного романа в жизни не случилось. Для воспитанной в строжайших правилах дочери пастора прекрасной Соломеи наличие семьи у Шаляпина стало необсуждаемым табу. Шаляпин, потрясённый её схимническим служением искусству и силой нравственных убеждений, всю жизнь лелеял эмоциональный капитал, полученный от знакомства с великой певицей и дивной женщиной. Она в своих чувствах драгоценной выдержки призналась лишь в последний свой год, рассказав сестре, кто был в её сердце всю жизнь.

Эта история многое проясняет в теме «Шаляпин и женщины». Да, певец пользовался бешеным успехом у прекрасного пола. И помимо девяти детей, рождённых в двух браках, признал пятерых внебрачных наследников, которым помогал. Шутливо отмахивался от назойливых вопросов словами: «Если женщина хочет иметь ребёнка от гения, ей нельзя в этом отказывать».

Детей своих Фёдор Иванович любил беззаветно, был удивительным отцом. Судьба послала ему тяжкое испытание – смерть первенца Игоря, удивительно талантливого мальчика, унаследовавшего отцовский абсолютный музыкальный слух. Певец с трудом пережил потерю, пытался покончить с собой, его чудом спасли.

Об отзывчивости великого артиста говорит такой факт. Однажды, приехав на гастроли в Нижний Новгород, Фёдор Иванович стал свидетелем

трагедии: под поезд попала молодая крестьянка. Остался сиротой восьмилетний мальчик. Ребёнка певец усыновил, дал ему хорошее образование. К сожалению, молодой человек погиб в годы Гражданской войны.

И ещё один штрих. Окончательно переехав в предреволюционные годы к Марии Петцольд (урождённой Элухен), двух её детей от первого брака певец будет воспитывать как родных. Кстати, официально отношения с Марией Валентиновной Фёдор Иванович оформит лишь спустя десятилетие совместной жизни и двадцатилетие с момента знакомства, став в 54 года ньюсмейкером Европы: «Шаляпин – молодожён!»

А почему прозвучало знаменитое шаляпинское: «Бесплатно только птички поют». В революционном 1905-м своевольным басом была спета «Дубинушка» на сцене Большого театра. Император потребовал «изгнать этого босяка». Артист тут же выразил готовность покинуть театр, тем более что царь не присваивал ему звания «солист Его Императорского Величества», о котором мечтал крестьянский сын Шаляпин. Директор императорских театров Владимир Теляковский тогда с трудом уладил конфликт и удержал певца на российской сцене, не отдав его парижской «Гранд-Опера», которая после грандиозных «Русских сезонов» Сергея Дягилева мечтала видеть Фёдора Ивановича своим премьером.

Больше того, не без участия Теляковского к 40-летию со дня рождения своевольный артист получил от Николая Второго в подарок золотые часы с бриллиантами. Но подарок был им возвращён со словами «Бриллианты мелковаты». А спустя несколько месяцев Шаляпин отказался участвовать в грандиозном концерте, посвящённом 300-летию Дома Романовых, сославшись на бесплатно поющих птичек.

Поначалу, увлечённый революционными переменами, солист его Императорского Величества Фёдор Шаляпин очень гордился тем, что первым в Советской России получил звание Народного артиста республики. Его кипучая концертная деятельность тех лет, режиссёрская, просветительская и организаторская работа оплачивалась уже не заоблачными гонорарами, а

вязанкой дров или мешком картошки. Он потерял банковский счёт в полмиллиона рублей императорской России, роскошные особняки в Москве и в Петербурге, уютную дачу с роскошным парком под Рославлем и Пушкинскую скалу в Крыму.

Не требования Марии Валентиновны (как писали в советское время), не болезнь дочери Марины (как любила рассказывать Марина Фёдоровна Шаляпина-Фредди – победительница парижского конкурса «Мисс-Россия-1931», жена основателя итальянского неореализма знаменитого режиссёра Л. Фредди), а душевное смятение не давало певцу покоя. Разраставшееся чувство непонимания того, что происходит в стране, толкнуло его к решению об отъезде за границу. Это хорошо понял Максим Горький, сказавший: «Уезжай, Фёдор. Сейчас ты здесь не нужен. Вернёшься через несколько лет».

В 1927 году побоявшийся приехать на 10-летие Октябрьской революции Шаляпин был лишён указом Сталина звания Народного артиста республики. Несмотря на растиражированные белоэмигрантскими кругами высказывания певца о его безразличии и пренебрежении к тому, что произошло, Фёдор Иванович очень переживал свершившееся. Ну а вышедшая за границей вторая книга воспоминаний «Маска и душа» окончательно поссорила певца с Кремлём. Шаляпин впоследствии и сам был многим недоволен в этой книге. Но главное, тем, что передоверился литературному редактору Соломону Полякову-Литовцеву, ненавидевшему не только большевизм, но и Россию вообще.

Читайте письма Шаляпина – там он настоящий. Особенно интересны его строки к дочери Ирине. Пишет всё, что у него на душе: все свои сомнения, помыслы, радости и горести. Постоянно просит присылать виды новой Москвы, интересуется театральной жизнью. Просит съездить на Волгу и сделать фотографии для него. Ждёт нового юбилейного пушкинского издания (в 1937-м в СССР широко отмечали 100-летие со дня гибели поэта). За два месяца до смерти пишет, что хочет получить бюст Пушкина: «Ради Бога, Иринушка, пришли. В моей мастерской остались мои работы. Выбери любой...»

В эмиграции его преследовал странный сон. Будто стоит на сцене Большого театра в венце и бармах царя Бориса, в золотом царском облачении, и хор поёт ему славу, и звонят колокола, а потом он глядит – а вокруг никого нет... В театре, на сцене нет ни одного человека, и даже в оркестре ни души. А он стоит один на краю, у самой рампы, как над пропастью, покинутый всеми.

За несколько дней до ухода в этом своём сне он шагнул с рампы в разверзшуюся черноту. Наутро попросил о том, чтобы, если возможно, похоронили его на берегу Волги, на крутом холме близ Ярославля, где когда-то он венчался с Иолой Торнаги.

Из вечности доносится до нас неповторимый голос певца, который, смеясь, говорит потомкам: «И чего только не написали о Шаляпине - и пьяница он, и грубиян, и бабник, и лентяй, и чуть ли не грабитель (это кого: не антрепренёров ли?). И только никому в голову не пришло – сколько и как Шаляпин работал всю жизнь. И сколько ему стоило каждое выступление!»

Легко догадаться, чего не хватает в жизни искусства сегодняшнего дня. Масштаба Фёдора Ивановича, когда есть широта и смелость жеста и не требуется под многообразием деталей скрывать отсутствие целого. Не хватает его лёгкости. Вдумайтесь: отчего этот вроде бы земной, а, по мнению многих, прагматичный и даже циничный человек легко взмывал в эмпиреи духовности, поднимая всех на крыльях собственного вдохновения. Не хватает его юмора, который, видимо, являлся производным от общей витальности, аппетита к жизни. Не хватает его требовательности к себе. «Иду, каждый раз на сцену и думаю: ну что если на каплю сорвусь, чуть не дотяну – ведь с меня же за «Шаляпина» взыщут не сто, тысячу раз. Пропал, скажут, голос, кончился Шаляпин, выдохся. В ответе я за свой талант». Не хватает шаляпинской скромности, в которой мастер-классом является его ответ на вопрос о главном в жизни: «Неплохо пел! Дай Бог так-то всякому!»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал. Лесс Рассказы о Шаляпине. – М.: Советская Россия, 1973. – 174 с.

2. Алексеев Г. Исторический очерк казанских городских начальных училищ с 1806 до 1890 г. // *Волжский Вестник*. – 1885. – №№ 214, 215.
3. Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Изд.2. – М.: Искусство, 1963.
4. Антарова К.Е. Беседы Станиславского в студии Большого театра в 1918-1922гг. – М.: Искусство, 1952.
5. Арензон Е.Р. Савва Мамонтов. – М.: Русская книга, 1995.
6. Асафьев Б.В. Об опере (избранные статьи). – Л.: Музыка, 1976.
7. Асафьев Б.В. Об опере. Избранные труды в пяти томах. – М.: Искусство, 1952-1957.
8. Берлин В.Д. Бессмертный человек с разными песнями. Федор Иванович Шаляпин и харьковчане. – Харьков: Ранок, 2001.
9. Бет. У Дальского // *Раннее утро*. – 1907. – 6 декабря.
10. Боголюбов Н.Н. Шестьдесят лет в оперном театре. – М.: ВТО, 1967
11. «Борис Годунов» с Шаляпиным // *Петербургский листок*. – 1911. – 7 января.
12. Мейерхольд в русской театральной критике. 1892-1918. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 1997. – С. 224-226
13. Боровский В. Московская опера С.И. Зимина. – М.: Советский композитор, 1977.
14. Качалов В.И. Сборник статей, воспоминаний, писем. – М.: Искусство, 1954.
15. Комиссаржевская В.Ф. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. – Л., М.: Искусство, 1964.
16. «Волжский листок». – 1908. – № 671.
17. Встречи с Мейерхольдом: Сборник воспоминаний. – М.: ВТО, 1967.
18. Летопись жизни и творчества Шаляпина. В 2-х книга. – Л., 1984.
19. Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917: Словарь. – М.: Композитор, 2000.
20. Шаляпин Ф.И. Повести о моей жизни. – М., 1960.
21. Александр Яковлевич Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. – Л.-М.: Искусство, 1960.
22. Шаляпин Ф.И. Сборник в 2-х томах / Ред.-сост. и автор ком-в Е.А. Дрошева. Т. 2. – М., 1960.
23. Этот гений – Фёдор Шаляпин. Воспоминания и статьи. ГЦММК им. М. И. Глинки, дом-музей Ф. И. Шаляпина, фортепианная школа «Клавир». – М., 1995 год.